

— Я не по своей винѣ осталась здѣсь одна, — продолжаетъ она, не безъ рѣзкости: — я хотѣла ѣхать въ Швейцарію вмѣстѣ съ м-ромъ Фортонъ. Я просила его взять меня съ собой.

— И онъ отказалъ? — спрашиваетъ онъ съ глубокимъ недоумѣніемъ въ голосѣ.

Она хотѣла осчастливить своимъ присутствіемъ человѣка, и онъ могъ отказать ей. Хотѣлось бы знать, какъ она просила его? Обнявъ его шею? Со слезами и поцѣлуями? Онъ содрогается.

— Ему было неудобно взять меня, — равнодушно отвѣчаетъ она: — это не входило въ его разсчеты.

Въ сердцѣ молодого человѣка загорается такой огонь негодованія, что слова бессильны передать его. Но часть этого жара прорывается въ его отвѣтъ:

— Онъ нашелъ неудобнымъ взять васъ съ собой и не нашелъ удобнымъ оставаться съ вами, и такимъ образомъ вы теперь одни и скучаете.

Что-то въ его тонѣ, какая-то иронія пополамъ съ бѣшенствомъ снова будитъ уснувшую-было въ ней тревогу.

— Я одна, — поспѣшно отвѣчаетъ она, — но мнѣ не скучно; никогда еще въ жизни мнѣ не было менѣе скучно, чѣмъ теперь; я не вижу, какъ проходятъ дни.

— Но вы только-что сказали... — возражаетъ онъ, сбитый съ толку противорѣчіемъ въ ея показаніяхъ.

— Что за дѣло до того, что я сказала? — перебиваетъ она съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ. — Кому же мнѣ и противорѣчить, какъ не самой себѣ.

Проходитъ престарѣлая чета, рѣдкіе изъ гуляющихъ въ этомъ саду.

Белинда рада ихъ появленію. Она желала бы, чтобы публики было больше. Пусть не думаютъ, что она скрывается отъ глазъ публики.

Когда они проходятъ, она невольно возвышаетъ голосъ. Она ничего не говоритъ такого, чего бы другіе не могли слышать! Какое счастье, когда нечего скрывать отъ глазъ цѣлаго свѣта.

По мѣрѣ того, какъ часы бѣгутъ, ея счастливое настроеніе все растетъ и растетъ. Но какъ они бѣгутъ! Она не можетъ не знать этого, такъ какъ съ вершины кардинальской башни, возвышающейся надъ деревьями, звучные колокола возвѣщаютъ о каждой протекшей четверти часа. Какъ скоро они слѣдуютъ другъ за другомъ! Сколько уже ихъ пронеслось? Она не рѣшается освѣдомиться объ этомъ. Хотя и неизвѣстно почему. Вѣдь то же самое повторяется каждое воскресенье. Она всегда поздно воз-